

Тонков Евгений Никандрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления – филиала РАН-ХуГС при Президенте РФ, адвокат

Tonkov Evgenii Nikandrovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the theory and history of law and state Department of North-West Institute of management – Branch of the Presidential RANEPa, Barrister

E-mail: e.tonkov@mail.ru

Символы правосудия в современной культуре

Symbols of justice in modern culture

Аннотация. В тексте исследованы современные символы правосудия, раскрыто их влияние на правовой порядок, актуализирована зависимость восприятия символов от типа правопонимания субъекта. Право рассматривается как элемент культуры, результат и способ взаимодействия доминирующих этносов. Автором предложена классификация правовых символов: 1) символы-знаки, очевидно защищенные силой принуждения; 2) символы-действия, обеспеченные правовыми механизмами; 3) символы-образы, сформированные в сознании субъекта как обязательный поведенческий алгоритм. В исследовании обосновывается символическое значение архетипа судьи, на основе зарубежных и российских публикаций выводятся типические образы идеального судьи по Г. Канторовичу, идеального судьи Геркулеса, неидеального судьи Велеса.

Ключевые слова: символы правосудия, культура, этнос, символы-знаки, символы-действия, символы-образы, идеальный судья по Г. Канторовичу, идеальный судья Геркулес, неидеальный судья Велес

Annotation. The text examines modern symbols of justice, reveals their influence on law and order, and actualizes the dependence of the perception of symbols on the type of legal understanding by the subject. Law is considered as an element of culture, a result and a way of interaction between dominant ethnos. The author has proposed a classification of legal symbols: 1) symbols-signs that are obviously protected by force of coercion; 2) symbols-actions provided by legal mechanisms; 3) symbols-images formed in the mind of the subject as a mandatory behavioral algorithm. The study substantiates the symbolic meaning of the archetype of the judge, based on foreign and Russian publications, typical images of the ideal judge according to G. Kantorovich, the ideal judge Hercules, and the imperfect judge Veles are derived.

Keywords: symbols of justice, culture, ethnos, symbols-signs, symbols-actions, symbols-images, ideal judge according to G. Kantorovich, ideal judge Hercules, imperfect judge Veles

Для цитирования: Тонков Е.Н. Символы правосудия в современной культуре // Юридическая техника. – 2026. – № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юр-технетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24–27 сентября 2025 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. – Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 446–452.

Мы научились дифференцировать интерпретацию символов в различных типах правопонимания: позитивизме, юснатурализме, социологических подходах. Используемые сторонниками естественного права символы могут не получить признания в практиках эксклюзивного позитивизма, что с неизбежностью проявится в механизмах защиты символических прескрипций. Каждому типу правопонимания имманентен собственный язык символизации норм и ценностей. Правовые символы составляют значимую часть нормативной системы человека, на них распространяются известные признаки права, в том числе формальная определенность, системность, обеспеченность принудительным исполнением, многократность использования.

Символы, связанные с правосудием, требуют особого внимания, ибо от их правильного распознавания подчас зависят человеческие судьбы. Суд для современного человека представляет собой не только прагматический инструмент реализации субъективных прав и защиты от чужих притязаний, но является символическим пространством, вокруг которого вращается весь юридический мир. Художественные и основанные на реальных событиях детективы, сериалы про судей, полицейских и адвокатов, телешоу в стиле «Суд идет», публичные покаяния преступников, обвинения в открытом эфире и прочие

формы вовлечения населения в правовую жизнь формируют в массовом сознании разнообразные стереотипы и символы, имеющие прямое отношение к правовой культуре и правосудию.

Судебный процесс в культуральной парадигме – это коммуникативный акт, направленный на восприятие его результатов не только непосредственными участниками, но и всем обществом. История свидетельствует о том, как публичное приведение приговора в исполнение (например, отрубание головы) оказывало воздействие на правосознание жителей, собираемых на городской площади. Сегодня функцию доведения до населения основ правопорядка, в том числе принципа неотвратимости наказания, выполняют государственные, ведомственные и частные средства массовой информации, включая растущий сегмент блогеров в сети Интернет. Без символов правосудия трудно наполнять правовым смыслом деятельность судов и правоохранительных органов, создавать образ легитимности власти, демонстрировать процессуальную справедливость, поддерживать социальный порядок.

Ритуальная сторона правосудия не менее важна, чем прагматические функции судебной системы, поскольку принято считать, что доверие населения формируется, в том числе, через утверждение символов власти. Например, мантия судьи символизирует беспристрастность, высокий статус, принадлежность к особой страте компетентных и добросовестных людей. Кроме того, мантия скрывает возможные особенности тела и даже человеческую индивидуальность, подчеркивая функцию служителя Фемиды.

Судейский молоток демонстрирует поддержание порядка и власть председательствующего. Удар молотком представляет собой перформативный акт, которым судья не просто открывает и закрывает заседания, но также дисциплинирует участников процесса и слушателей, символизирует момент оглашения решения.

Кресло судьи обычно размещено на фоне герба государства, что свидетельствует об официальной и легитимности судебного процесса. Наличие герба в зале суда – прямое указание на то, что правосудие осуществляется от имени государства.

Судейский стол находится на возвышении, чтобы физическое расположение судьи (выше всех остальных участников) символизировало иерархию и высшую власть в зале заседаний.

Расположение оппонированных сторон (друг напротив друга: истец – ответчик, обвинение – защита) предвосхищает состязательность процесса; геометрически выверенное противопоставление визуализирует схватку сторон, подчеркивает нейтральное состояние судьи «между сторонами», «над схваткой». Пространственная композиция в зале судебных заседаний демонстрирует разнонаправленность интенций участвующих лиц и стадийность процесса, – при несомненном верховенстве процессуальных норм.

Места подсудимых в залах для рассмотрения уголовных дел организованы в форме клеток, что отражает особый правовой статус людей, изолированных от общества.

Судопроизводство опосредуют наборы ритуальных действий и символических процедур, например, требованием «Встать, суд идет!» сопровождается вход судьи (судей) в зал судебного заседания. Символ становится понятен каждому человеку: представитель одной из ветвей государственной власти начинает своё действие, обязанность вставать – знак уважения не к конкретной личности, а к представителю государства, наделенному широкими полномочиями по определению прав и обязанностей сторон.

К символам правосудия следует отнести и специальную юридическую лексику, направленную на взаимопонимание участвующих в процессуальных действиях лиц. Единообразие терминов достигается не только путем их законодательного утверждения (например, ст. 5 УПК РФ вводит основные понятия, используемые в уголовном судопроизводстве: «ночное время – промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени»), но также посредством официального толкования в постановлениях Пленума ВС РФ, судебной практикой и устными указаниями судей, которые могут отражаться в протоколе судебного заседания. При использовании юридически значимых терминов важно соблюдение закона тождества, – чтобы стороны и суд одинаково понимали означаемые терминами вещи, явления и статусы. Единство понятийного аппарата достигается на стадии получения юридического образования и стажировки в определенной профессиональной корпорации.

В доминантах, стоящих за символами правосудия, можно усмотреть многоуровневое регулирование не только законами и подзаконными актами, но и традициями, и деловыми обыкновениями, и конвенциональными договоренностями, и внепроцессуальными воздействиями.

Релятивизм и классификация символов

Представления о содержании и значении символов, отражающих современное правосудие, не всегда совпадают у юристов, относящихся к разным профессиональным корпорациям. Осознавая разнообразие выводов о качестве правосудия и его границах, мы признаем историческую детерминированность культуральных феноменов, основанных, в том числе, на традиционных ценностях. Несмотря на подчас противоположные мнения об интерпретации нормативных положений, демонстрируемые процессуальными оппонентами, юристы способны находить единство в конвенциональных договоренностях, достигаемых как на доктринальных, так и на локальных уровнях.

Современная культура характеризуется релятивистским отношением к правосудию и его символам, что проявляется, в том числе, в несовпадении институтов права из разных правовых семей, в усложне-

нии рассмотрения юридических споров на международном уровне. Право следует рассматривать как элемент культуры взаимосвязанных этносов, правила приобретают нормативное значение в результате жизнедеятельности социальных организмов и их взаимной коммуникации. При наличии разнородных обозначений человеческих общностей (семья, нация, народ, раса, общество, класс, страта, сословие, социальная группа), предлагается рассматривать именно *этнос* как ядро групповой самоидентификации. По итогам социального развития СССР на стадии «победившего социализма» был сформирован мега-этнос «советский народ», который не прекратил своё существования, эволюционировав в массовом восприятии в «русский народ».

Символы правосудия формируются как на основе исторических (эволюционных) преобразований через правотворчество, так и путем их немедленного внедрения по усмотрению революционно настроенных масс, политических, военных, финансовых акторов (например, в последующие после 1917 и 1991 гг. в России радикально изменялась система правосудия с заменой её символических элементов). Следует отметить, что современное судопроизводство в широком смысле включает не только функционирование судов, но и деятельность правоохранительных органов, акты которых могут быть обжалованы в суд. Например, стандартное следственное действие «обыск в жилище» требует предварительного судебного разрешения или последующего судебного одобрения. Несоблюдение этого требования может привести к исключению результатов обыска из перечня доказательств.

Объем понятий правосудие и судопроизводство принято толковать расширительно, включая в него деятельность правоохранительных органов, адвокатуры и даже нотариата. Большинству юристов, получивших образование до 1991 г., знаком учебник В.М. Семёнова «Суд и правосудие в СССР»¹, который переиздавался много раз. В учебнике излагалась не только деятельность судов, но также прокуратуры и других правоохранительных органов. По этому (и структурно аналогичным) учебнику на протяжении десятилетий преподавалось, в том числе, устройство органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания, адвокатуры, нотариата и товарищеских судов, что демонстрировало единство доктринального подхода к осуществлению правоприменительной практики всеми институтами правопорядка.

Для исследования символов правосудия в современной культуре требуется их (минимальная) классификация по признаку формальной определенности и ответственности за неправомерное использование, несоблюдение уважения к символам, искажение изображения и содержания. Применяя метод структурного анализа, целесообразно разделить рассматриваемые феномены на три класса:

формально-определенные, имеющие универсальный юридический и гуманитарный характер, защищенные силой принуждения (например, флаг, герб, гимн, мантии судей в большинстве государств, формы принесения присяги в судебных процессах);

проявленные в императивно предусмотренных действиях, имеющих юридические последствия, но осуществляемые неодинаково, оцениваемые в зависимости от усмотрения правоприменителя (например, процедуры ареста и взятия под стражу, формы заключения брака, обыск в жилище, разгон силовым ведомством несанкционированного мероприятия);

сформированные в правосознании не только на уровне рациональных алгоритмов, но и в бессознательных скриптах: зрительных образах, звуках, знаках (например, при звуке сирены кареты скорой помощи водитель уступает дорогу не только в силу нормативного предписания, но и интуитивно; человек нередко выполняет команды лица, облаченного в форму полицейского или представившегося сотрудником спецслужбы, на интуитивном уровне, забывая спросить о полномочиях и основаниях требования).

Символическое значение, понимаемое как эффективность воздействия, правовая природа и правила признания вышеприведенных классов не будут совпадать. Многие культуральные феномены, укоренившиеся в правовом сознании людей как символы правосудия, носят спорный характер в части их изображений и последствий игнорирования важности. Наиболее серьезно защищены формально-определенные символы правосудия, нарушение предписанного отношения к которым может повлечь наказание, – например, ст. 329 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за надругательство над Государственным гербом РФ или Государственным флагом РФ, аналогичные санкции предусмотрены в большинстве государств мира. А вот несоблюдение императивно предусмотренных действий, имеющих юридические последствия, например, игнорирование требований неприкосновенности жилища или презумпции невиновности, будет оцениваться по усмотрению правоприменителя. Этот (второй) класс символов правосудия носит наиболее распространенный характер.

Требуют дальнейших исследований символы, укоренившиеся в правосознании, формирующие отношение к праву и юридически значимому поведению, например, «гаишники при любом удобном случае берут взятки», «подряд на строительство дороги без «отката» невозможен», «судьи уголовной юрисдикции всегда действуют с обвинительным уклоном». Исследование этого класса (третьего – по классификации автора) символов требует большего внимания, поскольку воздействие поведенческих фреймов на человека недостаточно исследовано. Не буду затруднять текст ссылками на публикации о конкретных фактах, достаточно вспомнить, что почти у каждого есть знакомые, которым звонил якобы «сотрудник ФСБ РФ» и давал последовательные команды, в результате исполнения которых потерпевшие лиши-

¹ Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР. М., 1976. 376 с.

лись значительной для них суммы денежных средств. Одним из элементов нейролингвистического программирования в большинстве таких случаев являлся символический страх постсоветского человека перед непредсказуемыми действиями сотрудников силовых ведомств, ощущение обязанности выполнять команду, отдаваемую приказным тоном. Неспособность прервать коммуникацию с мошенниками нередко основана на символе доверия к системе правосудия, проявляемом в форме правового идеализма. Разрушение способности к критическому мышлению становится существенной особенностью «советского (постсоветского) человека», которая имплицитно искажает восприятие символов правосудия.

Разнообразие изображений богини Фемиды демонстрирует отсутствие единства в содержании и значении символов правосудия. Этот антропоморфный концепт следует отнести к третьему классу символов, варианты рисунков богини правосудия неисчерпаемы. В советском обществе слово Фемиды стало нарицательным: все понимали, что речь идет о суде, правосудии, законности, справедливости и т.д. Юристам известна этимология и изобразительные ряды этого феномена, который рассматривается символом судопроизводства у большинства народов. Опуская рассказ об истории коммуникации этой богини с Зевсом и другими актерами силы, следует отметить традиционную повязку на глазах, весы в одной руке и меч – в другой. Каждый школьник знает, что повязка на глазах – символ беспристрастности, весы – символ меры справедливости (взвешивания добра и зла, вины и невиновности), а меч – символ возмездия, которое неотвратимо настигнет нарушителя.

Ещё мы помним, что меч должен быть расположен остриём вверх («воля небес»), в правой руке («правое, правильное дело»), иметь обоюдоострый клинок («не только карает, но и предупреждает»). Существуют также развернутые паттерны про мудрость, истину и т.п., – каждый этнос имеет право на мифологизацию правосудия в имманентных ему исторических условиях.

Но если мы изучим изображение Фемиды, расположенной на фасаде здания Верховного Суда Российской Федерации (г. Москва, ул. Поварская, дом 15), то не найдем повязки на глазах Фемиды и меча в её руке. Опущу разные варианты интерпретации слов автора скульптуры, который как *архитектор проекта* именно так увидел Российскую Фемиду. Вполне релевантна объяснительная версия про то, что Фемиде нужно всё видеть, поэтому повязки нет, а меч избыточен по причине её доброты. Те, кто отсутствие повязки у символа правосудия воспринимает как небеспристрастность суда, а меч как защиту своей корпорации, – могут оставаться при своём мнении. Ведь беспристрастность тоже является символом, оценку количества и качества которого юристы и философы относят к аксиологическим категориям. Про защиту своих профессиональных корпораций мы знаем много, – все юридические сообщества стремятся отстаивать групповые интересы и не бросают в беде достойных коллег.

Варианты изображений юридических символов используются в разнообразных целях: недавно известная адвокатская фирма внесла изменение в свой логотип, после чего одна чаша весов оказалась немного ниже другой. На вопрос «почему так», адвокаты отвечают: мы стремимся, чтобы наши доказательства оказались более весомыми, чтобы они «перевесили» доводы оппонентов, в результате чего Фемиде согласилась бы с нашими аргументами. Такой подход можно назвать рациональным в понятийном и маркетинговом смыслах.

Опишу эпатажную скульптуру «Чиновничья Фемида» Йенса Галшиота, установленную в г. Копенгаген (Дания): тяжеловесная, обрюзгшая Фемида с ногами уселась на плечи изможденного, болезненно худого Человека. Непропорционально сформировавшееся символическое тело правосудия словно высасывает жизненную энергию из тела налогоплательщика и нет этому состоянию никаких разумных ограничений. Складывается впечатление, что никто уже не спасет Человека от тяжелого бремени усевшей на него (свесив ноги) Фемиды.

Символические типы судей в юридической литературе

6 сентября 2025 года на фасадной стене здания Королевского суда в г. Лондоне (Великобритания) появилось граффити Бэнкси, который изобразил классического английского судью, энергично избивающего судебным молотком человека, очевидно совершившего действия протестного характера. Метафора оказалась настолько уместной, что фотографии и мемы моментально распространились по всему юридическому миру. Многие адресаты послания художника именно в такой символике увидели английского судью. Уместно отметить, что в отечественной юрисдикции судьи практически не используют судебные молотки как символы правосудия.

Очевидно, что символы правосудия в разных юрисдикциях не совпадают, именно поэтому судья как символ заслуживает самого пристального внимания. Но если мы зададимся целью найти несколько типичных судебных образов не в художественной литературе, а в юридической науке, то для нас довольно быстро станет очевидным неразработанность этого направления ни в теории права, ни в разнообразных курсах о судостроительстве.

Судья является базовым символом правосудия, потому что это должностное лицо, наполняющее абстрактные нормы закона конкретным содержанием дела и собственным усмотрением, в решении проявляются его личностные качества. Результаты судебного толкования, выраженные в текстах, представляют блага одним субъектам, отнимая их у других, лишают свободы и даже жизни. Судьи каждым

словом напоминают нам о том, что закон существует не сам по себе, а приводится в действие их усилиями. Право нуждается в убедительнейшей аргументации, а лучшая аргументация после насилия – это текст судебного решения, обладающий не только качеством принудительности, но еще и символической магией государственной власти. А.В. Поляков обоснованно утверждает, что «право возникает как интерпретированный текст, т.е. текст, воспринятый сознанием, эмоциями и волей субъектов социального взаимодействия»¹. Даже в юрисдикциях, не признающих правила прецедента, судьи создают право на стадии его интерпретации и применения.

В компетенцию судьи входит выбор применяемого закона и его интерпретация, в процессе осуществления которой он конкретизирует абстрактные нормы закона с учетом оцениваемых им фактов и правоотношений. Осуществляемая судьей интерпретация правовой реальности становится стержневым моментом его деятельности. Он реконструирует сущее, а в некоторых случаях создает новую реальность, объективируя в итоговом решении сплав нормативных положений, субъективных прав и обязанностей, фактических обстоятельств спора.

Судья в юридически значимом тексте выражает все свои ассоциации, симпатии и антипатии, сославшись на нормы закона. Он сформулирует в решении то качество, которым наделит избранных им людей, наградив своей благосклонностью ту сторону, которая (по его мнению) будет достойна этого.

Судейские архетипы по-разному отражаются в профессиональных юридических сообществах и обыденном правосознании.

У подавляющего большинства из населяющих современную Россию людей образ стандартного судьи не принято идеализировать. Количество рассматриваемых дел растет год от года, а механизмы принятия судебных решений становятся все туманнее. Возможность по собственному усмотрению влиять на судьбы людей, перераспределять собственность, повелевать и властвовать не проходит бесследно ни для кого. В постсоветской отечественной юридической науке не разработана теоретическая модель типического судьи, в массовом сознании создается «телевизионный» и «детективный» символы судей.

Каждое государство (и как группа субъектов публичной власти, и как гражданское общество, и как население) заинтересовано в формировании позитивного образа «человека в мантии», от мнения которого зависит свобода, собственность и чувство собственного достоинства неопределенного количества людей. Возникает необходимость восполнить методологические пробелы в исследовании судебных архетипов, символизирующих акторов, творящих правосудие.

Сторонники реалистического типа правопонимания соглашались с тезисом о том, что судья принимает решение, в первую очередь, в своих интересах, ибо интенция всех достопочтенных судей мира сформирована именно так, – вынести судебный акт, который будет высоко оценен вышестоящими инстанциями и коллегами по цеху. Каждым судебным решением судья стремится институализировать свое положение, доказать профессиональную компетентность, добиться признания сторон и юридического сообщества. Именно по этому принципу происходит отбор прецедентов в англо-американской традиции, – качественные решения судей высших инстанций, содержащие квалифицированные аргументативные конструкции, начинают использоваться нижестоящими судьями, формируя прецедент посредством его многократного применения. Прецедент – это символ разумного правосудия, которое содержит соревновательное в интеллектуальном смысле начало и зависит не от благорасположения начальников, а от прагматически рассматриваемого качества изготовленного решения.

Образ идеального судьи по Г. Канторовичу. Германа Канторовича можно назвать одним из основоположников движения свободного права, основы которого оказали существенное влияние на развитие европейской методологии судебной деятельности и практической юриспруденции XX века. По мнению М.С. Куликовой «постановка Канторовичем вопроса о правотворческой роли судьи в процессе означала совершенно новое отношение к судьям. В личности судей, их правосознании, профессионализме, гражданских качествах теперь хотели бы видеть существенную гарантию стабильности правового порядка»².

В трудах Г. Канторовича излагаются качества идеального судьи, в том числе, необходимость обладания широким объемом знаний для принятия справедливого и обоснованного решения. По его мнению судья – это не просто юрист, а виртуоз владения юридической техникой, который «любит играть непревзойденно на клавиатуре юридических конструкций, но дилетантство которого проявляется сразу, как только он напрямую сталкивается с определенным уровнем сложностей фактических обстоятельств, со структурой реальной жизни, с которой он не знаком»³.

¹ Поляков А.В. Язык нормотворчества и вопросы юридической техники // Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб., 2014. С. 363.

² Куликова М.С. Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска «свободного права». Дисс... канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 140.

³ Flavius, G. Der Kampf um die Rechtswissenschaft [Electronic resource]. Heidelberg, 1906. S. 46. Цит. по: Куликова М.С. Судебная методология Г. Канторовича: критический анализ поиска «свободного права». Дисс... канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 142.

Поэтому судья должен быть экспертом, образованным не только в области юриспруденции, но и в других смежных науках применительно к определенной ограниченной области жизни, которая впоследствии станет сферой его деятельности. Канторович критиковал «отчуждение от народа судебных решений» как результат господствующей теории, по его мнению «применив новую теорию, мы достигнем сближения правосудия с жизнью под условием улучшения образования будущих судей»¹. Праксеологическая направленность его идей близка взглядам сторонников концепции правового реализма: «мы нуждаемся в специалистах по фактическим обстоятельствам дела, а не в многотысячных творцах правовых положений»².

По мнению Д.И. Луковской и М.С. Куликовой, «Канторович, как и его единомышленники, уделял особое внимание выявлению качеств идеального судьи и указывал на необходимость обладания судьей широким объемом знаний для принятия справедливого и обоснованного решения. Он выступал против судьи как исключительно судьи-юриста, который великолепно владеет юридической техникой, «любит играть непревзойденно на клавиатуре юридических конструкций, но дилетантство которого проявляется сразу, как только он напрямую сталкивается с определенным уровнем сложности фактических обстоятельств, со структурой реальной жизни, с которой он не знаком». Судьям следует постоянно смотреть через «китайскую стену» на «равнину реальной жизни, туда, где отражаются принимаемые ими решения»³.

Канторович писал: «Нам нужны судьи, которые знакомы как с царящими в народе правовыми воззрениями, так и с фактами жизни и результатами соседствующих научных дисциплин. Не удастся противостоять коммерческому преступнику судье с экономическим и предпринимательским образованием, не оснащенным при этом знанием банковского процесса. Все уловки современного коммерческого преступника столь же запутанны, как и специфика его «художественного» отношения к делу»⁴.

Идеи Г. Канторовича об идеальном судье отражают должное в праве, способствуют формированию программы-максимум в подготовке судейских кадров. Именно такого судью можно рассматривать в качестве символа правосудия.

Идеальный судья Геркулес. Разработанный Рональдом Дворкиным символ судьи обладает исчерпывающими знаниями норм права, наивысшими профессиональными навыками и неограниченным временем для принятия решений⁵. Идеальный судья Геркулес старается найти лучшее обоснование законодательному событию прошлого, его решение всегда является интерпретацией правовой, моральной и политической структуры общества в целом, от наиболее фундаментальных конституционных законов до деталей морального долга. В судье Геркулесе заложен символ исчерпывающего толкования права и алгоритм принятия решений в сложных делах. Людям нравится идеализированный, сверхчеловеческий актор, обладающий безграничными временными ресурсами, невероятной проницательностью, глубокими познаниями и безупречной моральной чуткостью. Такой судья способен найти единственно верное, обоснованное и справедливое решение по самому сложному делу, опираясь не на личные предпочтения, а на всю систему права в комплексе.

По мнению Р. Дворкина даже в самых сложных делах существует единственно правильное решение и задача идеального судьи — его обнаружить, а не изобрести. Важность этого символа заключается ещё и в том, что ему можно подражать: «мы воображаем себе подобного Геркулесу судью сверхчеловеческих способностей, располагающего бесконечным временем. Но реальный судья может подражать Геркулесу ограниченным образом»⁶.

Дворкин утверждает, что судья в состоянии принимать решения на основе целостности права, которое является не просто набором разрозненных правил, а системой, основанной на последовательных принципах и нормах. Судья должен так интерпретировать право, чтобы представить всю его систему как продукт единого видения, где каждое решение по конкретному делу будет последовательно встраиваться в общую ткань правовой системы.

Конечно, Геркулес — это символ, недостижимый для регулярных судей с их ограниченным временем, умеренными знаниями и разнообразными «уклонами». Идея «единственно верного решения» тоже не выдерживает критики, ибо мы понимаем существование нескольких вариантов принятия решений по большинству сложных дел в каждой юрисдикции.

Мощный нормативный символ Геркулеса призывает к судейскому перфекционизму, к тщательному анализу и последовательной аргументации решения.

Неидеальный судья Велес. Неидеальный судья Велес — это добропорядочный судья средних лет (гендерные различия в юриспруденции, как и в медицине, максимально нивелированы), который в про-

¹ Ibid. S. 44.

² Ibid. S. 45.

³ Луковская, Д. И. § 2. Идеальный судья в правовом учении Германа Канторовича / Д. И. Луковская, М. С. Куликова // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: Коллективная монография. СПб., 2019. С. 418-419.

⁴ Там же.

⁵ См.: Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004; Dworkin R. Law's Empire. Oxford, 1998; Dworkin R. Justice in Robes. London, 2006.

⁶ Дворкин Р. Империя права. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. С. 331.

шлом преимущественно был следователем, прокурором или секретарем (помощником) в суде, он преимущественно государственный и позитивист. В административной и уголовной юрисдикциях он – сторонник инквизиционного процесса, его коллеги по правоохранительным органам призывают к цеховой солидарности, он им почти всегда помогает, поскольку считает себя связанным общей (с силовыми ведомствами) корпоративной этикой. Иногда он «перегибает палку» в своей жесткости, но «лучше арестовать и жалеть, что арестовал, чем не арестовать и жалеть, что не арестовал». Он уверен, что его друзья по правоохранительной корпорации на стадии оперативной и следственной работы уже правильно определили виновность человека и собрали достаточное количество доказательств наличия состава правонарушения. Он требует от следователей копии обвинительных заключений в электронном виде для удобства их трансформации в обвинительные приговоры¹.

Важным фактором корректности этого судейского символа является то, что стереотипная характеристика Велеса не придает феномену предустановленного негативизма. Неидеальный судья Велес – это, в целом, позитивный образ, его «неидеальность» связана лишь с несовершенством каждого человека, со свойственными любому субъекту права слабостями и пороками.

Практики трансформации правовой реальности не проходят бесследно ни для кого, судья Велес на каком-то этапе профессиональной карьеры начинает ощущать трансцендентную свободу от текстуальных норм, попадая в полную зависимость от своего руководства. Автономность его деятельности не имеет определяющего значения, приговор может быть написан помощником или продиктован старшим товарищем по цеху, но именно Велес прокламирует его объективное значение и проставляет подпись.

Судебную систему Велес рассматривает как продолжение законодательной компетенции суверена и административной деятельности органов исполнительной власти. Благополучное существование самого Велеса основывается на его лояльности и преданности интересам конкретных лиц (не обязательно включенных в судебную систему), от которых зависит его профессиональное будущее. Он борется за их интересы, ответственно выполняя свои обязанности, поскольку это единственный путь обеспечения его собственного благосостояния. Велес не зависит ни от гражданского общества, ни от населения в широком смысле термина, гармоничность своих решений он поверяет мнением вышестоящих инстанций.

Заключение. Символы правосудия направлены на внушение уважения и доверия к судебной системе, они транслируют обществу фундаментальные ценности права, в том числе разумность, справедливость, беспристрастность.

Символы несут глубокую смысловую и эмоциональную нагрузку, обращаясь также к чувствам. Они пронизывают все уровни правопорядка, проявляются в визуальных атрибутах, процедурных ритуалах, интеллектуальных установках. Содержание и смысл рассмотренных образов могут не совпадать у субъектов права, но понимание символического языка правосудия необходимо для всестороннего учета факторов, имеющих юридическое значение.

Публичная власть обязана способствовать полноценному и объективному восприятию правосудия не только как механизма разрешения споров, но и как важнейшего социального института, формирующего представление о справедливости в обществе.

¹ Тонков Е.Н. Неидеальный судья Велес и его подходы к толкованию права // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4. С. 77.